

БОЗОНЫ И ФЕРМИОНЫ. ЗАЛИП

Рассказы

БОЗОНЫ И ФЕРМИОНЫ

На стенах директорского кабинета висели мудрые портреты мёртвых директоров института. Уходящий, но ещё действующий директор, седой кряжистый дед с большим красным носом, в очередной раз наставлял преемника. Портреты на эту процедуру смотрели одобрительно.

– Приедет комиссия, – говорил директор, – вали всё на меня.

– Что валишь, Ферми Фомич? – бестолково спрашивал преемник.

Директор вздыхал.

– Что валишь?! – говорил он. – Ты спрашиваешь, что валишь?

Деньги на ремонт корпусов уворовали. Вон жалобы лежат в углу, куча по пояс – то крыша у них течёт, то окно вывалилось с рамой, то за свой счёт замазали штукатурку и просят возместить. Оборудование, экспериментальная база в институте не обновляется – а деньги ведь сверху выделяются регулярно. Зарплаты у сотрудников, как у котят. А этот спрашивает, что валишь.

– Ты анекдот знаешь? – спросил директор.

– Какой? – с готовностью спросил преемник.

– Ну, слушай. Увольняется директор, зовёт к себе преемника и даёт ему три письма. «Станет горячо, – говорит, – откроешь первое. Потом станет горячо, откроешь второе. Ну, а потом третье». И уволился. Через пять лет нашли недостачу, собрали комиссию. Начали винить нового директора. Он вскрыл первое письмо. Там написано: «Вали всё на меня». Свалил всё на старого директора. Выкрутился. Ещё через пять лет опять стало горячо. Вскрыл второе письмо. Там написано: «Опять вали всё на меня». Опять выкрутился. В третий раз стало горячо. Вскрыл он третье письмо. А там написано: «Готовь три письма». Такие дела.

Преемник угодливо засмеялся. Директор почесал свой красный нос.

– Всё вали, дорогой. Во всём я у тебя виноват буду. Так это делается.

– А Вы?

– А я уеду. Далеко-далеко.

Вообще-то директор хотел остаться директором и никуда не уезжать. Столько всего накручено, столько интересов связано, столько судебных, семей, денег. Но возрастной ценз, будь он неладен. Вон они, смотрят со стен, предыдущие. Тоже хотели остаться. Приходится уходить и Ферми Фомичу.

Ферми Фомич делил людей на фермионов и бозонов. Фермионы в квантовой физике – это индивидуалисты. У них только личный интерес, только своё индивидуальное мнение, свой путь, своё место. Они решают только личные проблемы. Фермионы отталкиваются. А бозоны – это частицы коллективные. Если один бозон куда-то бежит мимо другого, то этот другой срывается с места и бежит рядом, нога в ногу. Вроде как вместе им веселее. Притягиваются. Эти балбесы решают задачи коллективные. Делать им больше нечего.

Вот электрон – уважаемая частица – это фермион. Если электрон сел на атомную орбиту, то другой электрон рядом уже не сядет. Индивидуалисты. Молодцы! А кванты света – это бозоны. Если один квант вдруг родится случайно в накачанной среде, вывалится из атома, то другие такие же фотоны, увидя это дело, вырываются из соседних накачанных атомов, пристраиваются рядом, и летят толпой, как бараны, – когерентно, шаг в шаг, все в одну сторону. И становится их по дороге всё больше и больше. Как лавина, как цепная реакция. Бозонный пучок это называется. Лазеры из бозонов делают и светят ими, куда хотят. Любой дурак может взять лазерную указку и приказать бозонам, куда им лететь. И делают бозоны, что им прикажут. Никакого самоуважения. Глупая частица бозон.

Директорская должность рассчитана на одного. Это как место на атомной орбите для электрона. Бозонам тут делать нечего. Кресло одно! Чтобы стать директором института, нужно быть истинным фермионом. Нужно уметь добиваться личной цели любой ценой, нужно идти по головам, по трупам. Ферми Фомич добился. Усидел. А теперь приходится уходить. Из-за возрастного ценза. Юридический закон.

В кабинет заглянула секретарша.

Именно такая должна быть у директора научного института — с умными глазами, похожая на учительницу для младших классов.

— Ферми Фомич, — сказала секретарша, — пора на семинар.

Чёртов семинар. Опять эта наука. Опять доклады. Опять морщить лоб и надувать щёки. Ферми Фомич искренне считал, что наука мешает его институту, что институт по недоразумению назван научным. Какая наука?! При чём тут наука? Мешают же работать! Но надо. Формальность. Приходится присутствовать.

Ферми Фомич вспучился в кресле, медленно встал и вышел в сопровождении приемника, который тут же, при первом движении директора, включил повышенную подвижность своей эластичной спине. «Ничего, — думал Ферми Фомич, — скоро забудет, как спина гнётся, вот только я за порог, он и забудет».

Семинар вообще вещь нужная. Это же его лаборатория. Они там что-то делают, статьи пишут. Вставляют директора в соавторы. Вот и получается Ферми Фомич — заслуженный учёный. В год статей пятьдесят выходит с его авторством. А он ни в зуб ногой, про что статьи. И читать некогда, и мозги уже не те, чтоб понимать. Хоть на семинарах послушает, о чём речь. Там простыми словами объясняют, прыгают перед ним, как собачки дрессированные.

В конференц-зале уже все собрались, человек сорок у него лаборатория, ждали только Ферми Фомича, чтоб начать. Сам конференц-зал оформлен по последнему слову техники, тут директор денег не жалел. Это же лицо хозяина. Кресла новые, стены в панелях. Хайтек и нанотехнологии. У кафедры стоял какой-то прыщавый молодой докладчик. Новенький. Наверное, студент или аспирант.

Директор, проходя к своему месту, благодушно поинтересовался:

— Ну и чей ты такой будешь?

Из зала поднялся этот... в свитере. Ферми Фомич постоянно забывал его имя-отчество. Фамилию зато помнил хорошо — Бозонов.

— Это мой, — ответил Бозонов.

— А... понятно... — сказал директор. — Как фамилия?

Директор начал примеряться к своему креслу, чтобы сесть.

— Бозонов, — ответил Бозонов.

Директор остановился в полуприсяде, держась за подлокотники, и поглядел на Бозонова.

— Его фамилия!

— Тоже Бозонов.

Директор плюхнулся в кресло и поёрзал, усаживаясь удобнее.

— Сын, что ли?

— Однофамилец.

— Понятно, — ответил Ферми Фомич. — Кучкуетесь, значит.

В зале засмеялись.

Докладчик начал говорить, и половина слушателей в зале сразу закрыла глаза. Слушатели стали старые, устают, засыпают на ходу. Монотонный бубнёж сморил и Ферми Фомича. Когда докладчик поблагодарил за внимание, люди стали просыпаться.

— Какие будут вопросы? — смело спросил прыщавый оратор.

Ферми Фомич прочистил горло громким звуком «гм-гм» и сказал:

— Я вот не понял. Какое отношение имеют к нашему институту вот эти вот биологические клетки? У тебя доклад по зоологии что ли? Мы тут вообще-то физикой занимаемся.

В зале опять засмеялись.

Докладчик на своем тарабарском языке ответил что-то такое непонятное.

— Давай лучше на пальцах, — сказал Ферми Фомич.

На выручку докладчику с места подскочил институтский Бозонов.

— Он говорит про омоложение человеческого организма.

Ферми Фомич повернулся и бодро срезал выскочку:

— Ну так ему надо в косметическую клинику. Пусть там кожу женщинам натягивает. Зачем он тут?

Наглец докладчик тоже открыл рот:

— Я набираю добровольцев для эксперимента. Я к вам пришёл, чтобы предложить поучаствовать.

Оказалось, что этот молодой человек ходит по институтам и читает свои лекции, чтобы убедить учёных участвовать в каком-то эксперименте.

— Понятно, — сказал Ферми Фомич. — Торговый агент. Думаешь, тут дураки сидят. Крем омолаживающий продаёшь?

— Нет, не крем. Выслушайте же меня! Я на себе проверил технологию. Теперь выгляжу вот так.

— Ну, неважно выглядишь, что тут можно сказать. Ты нас своими молодёжными прыщами не удивишь. Или было ещё хуже?

В зале снова рассмеялись.

— Мне семьдесят четыре года. Я старше

вас, Ферми Фомич.

Тяжёлая тишина повисла в воздухе. Ферми Фомич оглядел присутствующих.

– Ну, тогда давай сначала.

Суть дела оказалась в следующем. Докладчик, однофамилец местного Бозонова, – того самого, который и пригласил его на семинар, – нашёл способ омоложения организма. Но по закону экспериментаторы могут ставить опыты только на себе. В смысле, если экспериментаторов несколько, то вся группа может применить технологию только на себе. На людях опыты запрещены. Поэтому вот этот омоложенный Бозонов ищет себе группу – ну не среди дворников же искать – чтобы всё было по закону, экспериментаторы должны быть именно научными сотрудниками. Ещё неделю назад Бозонов еле таскал ноги от старости, а теперь ему от силы лет двадцать на вид. Теперь нужна статистика, нужны добровольцы.

Ферми Фомич вдруг подумал, что если омоложиться, то с должности можно не уходить. Он диковато посмотрел на преемника. Преемник, слава богу, истолковал его взгляд неправильно и начал придирается к юноше Бозонову с вопросами по существу технологии.

Докладчик объяснил на пальцах, что процессы в организме можно разделить на два типа. Фермионный тип и бозонный тип.

Фермионные процессы делают вид, что работают на организм. Все внешние показатели у них в норме, но по сути эти процессы обеспечивают какую-то частную скрытую задачу, выгодную совсем не организму, а частному заказчику. Они – не то, что кажутся. Тут Ферми Фомич сузил глаза, потому что узнал себя со своими показушными научными статьями и личным обогащением, которое он осуществляет за счёт института. Докладчика в это время сверлили взглядом ещё и постоянные соавторы Ферми Фомича – Лебедев, Рак и Щукин.

– Как лебедь, рак и щука, которые тянут воз в разные стороны, – самозабвенно говорил юный Бозонов, не обращая внимания на общий накал атмосферы.

Бозонные процессы – это процессы частные, коллективные, решающие задачу максимальной жизни организма, то есть вечной молодости.

– Так в любом сообществе, – заметил докладчик. – Старение биологической системы происходит из-за фермионных процессов. Фермионы пожирают ресурсы системы и тратят время системы в своих личных целях.

В конце докладчик сказал, что он нашёл способ запускать некий бозонный процесс в организме, который не только тормозит все фермионные процессы, но ещё и исправляет то, что они испортили. Вот так и получилось омолодить организм. А вообще, докладчик из института генетики – это тут, недалеко. Вот телефон, вот электронная почта – всех желающих докладчик рад видеть в любое время. Через неделю все, кто обратится, будут как огурчики.

Местный Бозонов, который в свитере, громко объявил с места, что он записывается в добровольцы. Остальные молчали, ждали, что скажет директор. Некоторые, впрочем, тихонько переписали к себе контакты докладчика.

Семинар закончился в обед. Ферми Фомич сказал секретарше, что уехал, и уехал домой. Там он позвал жену, посадил её перед собой на диван и долго смотрел на её морщинистое лицо и висячую грудь, решая про себя, что он будет делать со всем этим, когда станет молодым.

В общем и целом, Ферми Фомич омолодился и добился, чтобы юридический закон о возрастном цензе на него не распространялся. Всё-таки наверху тоже сидят фермионы. А фермион с фермионом договориться сумеет, если в кресла друг к другу не лезть. Ты – мне, я – тебе. Он остался директором института. Нос у него уменьшился и перестал источать красный свет. Преемник обиделся, ну и чёрт с ним.

Вслед за директором институт осмелел и омолодился в полном составе. Некоторые пытались протащить на процедуру своих родственников. Однако генетик Бозонов, изобретатель омоложения, боялся, что его посадят за опыты над людьми, и отказал всем, кто не научный сотрудник.

Но шила в мешке не утаить. Народ очень волновался насчёт омоложения, и через пять лет технологию разрешили использовать массово по всему миру.

Потом в институт некстати приехал проверяющий – кто-то написал донос, что в институте деньги тратятся нецелевым образом. Проверяющий был свой человек, тоже фермион. Он согласился попариться в бане с Ферми Фомичом, покататься с ним на яхте, поохотиться в местных лесах на фазанов и принять скромный денежный дар.

Проверяющий, омоловившийся молодой человек, и Ферми Фомич, вечно молодой директор института, сидели в ресторане и прощались. Проверяющему пора было уез-

жать. Благодаря радушному приёму, никаких нарушений он не нашёл, и Ферми Фомичу казалось, что всё сладилось. Однако глаза у проверяющего были грустны.

– Это не моё дело, – сказал проверяющий. – Но мне кажется, что Вам пора готовить три письма.

– А в чём дело?

– Наверху стало беспокойно. Нужны свежие идеи.

– Какие идеи?

– Научные, – ответил проверяющий и многозначительно посмотрел на Ферми Фомича.

– Свежие?

– В случае вашего института – любые.

Так что, как говорится, готовьте три письма.

– А мне куда, такому молодому?

– Да уж, на пенсию не получится.

Впрочем, как и мне. Сейчас все на ушах стоят. Кое-кто руки на себя накладывает.

– Мы ещё поборемся, – бодро ответил Ферми Фомич.

Проверяющий посмотрел на него с сомнением.

– Я бы на Вашем месте разогнал ваш фермионный гадюшник. Мир становится бозонным. Надо давать им дорогу. А то не ровён час...

С тем и уехал проверяющий.

Слова его оказались пророческими. Сотрудники института начали наглеть. Стали задавать в лоб неудобные вопросы. Это те, которые получали зарплаты как у котят, но делали основную научную работу. Они стали говорить открыто, что такую паршивую жизнь – без оборудования, без возможности делать науку, без перспектив, без зарплат – они терпеть вечно не желают. Это можно терпеть ну год, ну два, ну от силы десять. А тут сидит в кресле директора эта изумительная дрянь – это они про Ферми Фомича – и сосёт все соки, и гребёт всё себе, а сам он никакой не ученый.

Дирекция предложила недовольным выметаться из института по собственному желанию. Никого тут не держат. Незаменимых нет.

Тогда Бозонов устроил забастовку. Оказывается, есть закон о забастовках. Увольнять за забастовки нельзя.

Сверху приехала комиссия. Тоже фермионы, тоже можно договориться. Ферми Фомич договорился. Комиссия выслушала требование забастовщиков – уволить директора и на его место избрать Бозонова. Проголосовали всем институтом. Фермионов оказалось больше. Бозоны проиграли. Директором

остался Ферми Фомич.

Тогда все бозоны уволились. Работать в институте стало некому. Все только изображали бурную деятельность, а сами решали личные проблемы. Институт наукой заниматься фактически перестал.

Оказалось, что точно такая же ситуация происходит во всём мире. И не только в научных, а вообще во всех организациях. Вечно мучиться и терпеть несправедливость бозоны не желали. Они стройными рядами, отказываясь от рабских условий труда, уходили из-под фермионного начальства и создавали автономные сельскохозяйственные и промышленные поселения.

Началась мировая роботизация всех отраслей промышленности. Случился перекося в производстве товаров и потреблении. В общем, к власти пришли бозоны. И начали распределять блага по своим дурацким правилам.

Потом к Ферми Фомичу приехал какой-то противный чиновник и сказал:

– Задачи стали общими. Мир стал бозонным. Хватит заниматься ерундой.

Ферми Фомич понял, что перед ним бозон, что с этим не договориться. Ферми Фомича уволили. Ему запретили занимать руководящие должности – навсегда! Это ё вечно-молодой жизни! Ему запретили заниматься наукой. Выписали, как говорится, волчий билет. И отпустили гулять. Жена ушла, дети отвернулись, а коллеги... да что про них говорить. Большую квартиру государство забрало себе и требовало, чтобы Ферми Фомич съехал оттуда в трёхдневный срок.

Ферми Фомич смог найти только работу дворника. В ЖЭКе он получил свой экземпляр договора. Ему выдали робу, метлу и лопату. Дали ключи от маленькой служебной квартирки.

Он пришёл в свою старую директорскую квартиру, открыл сейф и достал ружьё. Он слышал, что некоторые стрелялись из ружей. Ружьё у Ферми Фомича было не заряжено. Он просто так, на пробу, приставил ствол к голове и попробовал нажать на спуск. Руки оказались коротки – не дотягивались. «Как они стрелялись? Это невозможно», – подумал Ферми Фомич. Он закрыл квартиру и пошёл подметать улицы.

ЗАЛИП

Он залип на этой орбите примерно миллиард лет назад. А начиналось всё как короткая командировка. Прилетел бодрый, ве-

сѣлый, полный сил. Дел-то было всего ничего – наладить производство ботов. Собирался пробыть тут лет сто, не больше. Присмотрел звезду, красную, холодную, подлѣг к ней на орбиту, сделался шариком размером с Луну – и начал грустнеть.

Да, он знал, что так будет. Никакой это не секрет. Если ты имеешь форму шара, то изволь приготовиться к последствиям. А тут ещё чёрные озѣра у себя на поверхности развѣл, чтобы свет собирать, а озѣра тоже портят настроение. Приливы-отливы у кого хочешь депрессию вызовут – он же вращение по оси так и не согласовал с периодом обращения. Да и спектр у звезды давно завалился в инфракрасную область, а при такой длинноволновой кормѣжке приходится систему пищеварения так подделать, что ни о какой радости и сверхмотивации речи нет. И, конечно, граница Вселенной, ради которой он сюда прилетел, она тоже влияет. Хотя и чисто психологически. Она же вибрирует, материю поглощает. Для того и прибыл, чтобы изучать эту сволочь. Окружила граница Вселенную, как пузырь, выйти никому не даёт. А что там за границей? Неизвестно. Уже и звѣзды в неё швыряли, и лупили в неё громадными пучками излучения, – ей хоть бы что, всё поглощает, как мѣд, без плеска, без эмоций. Не пускает из Вселенной выйти.

Сначала он бодрился, с роем со своим разговаривал, канал нуль-связи держал широким – всё хотел знать, что там в мире делается. А потом потихоньку, помаленьку скис. Канал свернул до служебного. Новости не смотрел. Друзья стучались, звали поговорить. А о чём говорить? Какой смысл? В общем, залип. Так и стали его называть в родном рое – Залип.

– Эй, Залип! С днём рождения тебя! – кричали ему всё реже и реже.

Чего они всё время веселятся?! Залип и не отвечал даже на такое. Черпал материал со звезды, делал ботов, отправлял их на границу да смотрел, как они исчезают без следа и даже без крика. Вообще-то он здорово придумал – штыри делать. Длину надо только выбрать подходящую – парсеков на сто. Разместишь штыри навстречу границе. Впритык. Граница завибрирует, коснѣтся штыря, слизнѣт кусок – видно амплитуду. Это уже кое-что. А больше ничего не придумал. Как её проткнуть? Что за ней? Не поддаѣтся, дрянь такая. И непонятно, что делать.

Знал Залип, что можно залипнуть. Думал, что справится, – форму поменяет, станет веселее. Но упустил момент. Теперь уже ниче-

го не хочется. Грустно, скучно. Шутка ли – столько жить!

Висел Залип на своей орбите, смотрел в бурую звезду, медитировал и даже в последнее время совсем перестал думать.

А тут чувствует – кто-то трогает его электромагнитной волной по поверхности, зондирует. Общупали ему озѣра, сушу ему потрогали. Залип подумал, что это шутники родные – прилетели из роя, сейчас спасать будут. Он даже речь заготовил, чтоб не совались не в своё дело. Пошарил по космосу – нету шутников. Только маленькая какая-то букашка, почти невидимая, держит курс на Залипа. Хм. Что такое?

Залип просканировал букашку – из металла обшивка, а внутри газ и органика. На манер пузырька букашка-то. Залипу интересно стало, что это такое наглое в космосе летает. Он бота отправил навстречу – получше просканировать.

Бот невидимо подкрался к букашке, завис рядом и разведаль всё, что надо. Внутри букашки оказалась разумная белковая плазма. Разделена на особи. Строение примитивное. Коммуникации голосовые. Язык простой. Называют себя людьми. Летят, чтоб на Залипе жить. Они не поняли, что Залип не для этого, они думают, что он просто малая планета, которую можно под свои нужды пристроить. Смешные какие. Однако Залип замер – что делать с этими людьми? Откуда они? Тем более у них там проблемы. Оборудование из строя вышло. Да у них и выбора нету. Воздух кончается. Морозильные камеры – во дают, они себя замораживают! – сломались. Им бы до Залипа дотянуть. Ладно, пусть садятся. Посмотрит Залип на них поближе, и, если что, поможет.

Бот нежно обхватил эту космическую букашку, которая еле барахталась в пустоте, и быстренько притащил её на поверхность Залипа. Опустил на сухое, на остров. А как они садиться собирались сами, интересно? У них и топлива не осталось – разбились бы, если бы, правда, неразумную планету нашли. До чего беспечные эти люди, оказывается. Как дети малые.

Залип сгенерировал у себя на поверхности атмосферу подходящую, чтоб эти люди дышать могли первое время.

Ну и что – высыпаются эти людишки из своей букашки и начали яму копать прямо в Залипе. В целом справедливо. Тут же больше негде, один Залип кругом. А потом выволокли двух мертвецов, сложили их в яму и давай закапывать. А говорили, что терраформи-

ровать тут собираются. Это что такое? Это терраформирование такое? Зачем тут Залипу мёртвые?

Залип пошёл на контакт. Он слепил тело, похожее на людское, только без скафандра, – люди даже не удосужились первым делом состав атмосферы проверить, так и ходили в скафандрах, видимо, торопились терраформировать, некогда им о дыхании думать. Слепил, значит, Залип тело, постарался, чтоб оно было похоже на одного из закопанных людских мертвецов. Вышло это Тело из озера и пошло на контакт.

Контакт удался на славу. В том смысле, что Залип развеселился. Он не думал, что люди такие пугливые и нерациональные, – наделали дырок в Теле из своих пистолетов. Залип не стал имитировать гибель Тела, оставил его на ногах. Тело продолжало махать людям рукой, вроде как радушно приветствует гостей. Люди не сразу, но стрелять перестали.

В конце концов начали разговаривать. Залип объяснил, куда именно попали люди и что мертвых тут хоронить не надо, и вообще, к смерти у Залипа отношение негативное. Так что пусть люди приготовятся – сейчас Залип по-настоящему оживит тех, кто закопан. И пистолеты надо сдать по-хорошему. Никаких больше смертей, травм и страданий. Такое вот правило.

Люди заартачились. Вот уж чего Залип не ожидал. Как будто он им что-то плохое предложил. Жизнь ведь! Они же только что расстраивались, что лучших друзей похоронили. А теперь не хотят их живыми видеть. Про необратимость разрушений мозга говорят. Боятся, что воскрешённые будут или идиотами, или никого не узнают. Но ведь у людей простой мозг! Было бы что там обращать. Залип предложил оживить и спросить у самих оживших, как им больше нравится. Люди про старость начали говорить, что вроде это не сахарная жизнь. Так ведь омолодить можно! И вообще, почему им всё не нравится? Залип проанализировал тела людей и увидел, что если им надпочечники сделать поменьше и добавить ещё две руки, чтоб мозг нагрузить, то в принципе люди будут более смышлёные, психически гибкие и добрые – а сейчас система такая у их тела, что очень консервативные. У самок гормоны, у самцов ферменты – ужас. Как эти люди выживают в таких телах?! Разумеется, что Залип исключительно из добрых побуждений предложил поменять людям тела. Опять не то. Да как они не понимают, что перестроить тело и жить в космосе проще, чем планету терраформировать. Как они собира-

лись тут жить, если бы не Залип? Оказалось, что они надеялись... На что? На чудо. В принципе, получилось. Залип для них и есть чудо.

В общем, решил Залип отправить их обратно на их родную планету. Пусть живут, как хотят, и не морочат ему голову, и не шлятся больше по космосу.

Напружинился Залип, начал форму менять для межзвёздных перелётов. Выпустил хвост, как у кита, плавники в стороны растопырил. Озёра внутрь собрал.

Оказались люди со своим утлым корабликом у него на спине.

– Где вы живёте? – спрашивает Тело у людей.

– Мы не скажем, – говорят люди. – Мы тебе не доверяем. А на Землю-магушку мы погибель не приведём.

Вот ещё секрет! Рассмешили. Залип проник мысленно в бортовой компьютер, нашёл координаты, прикинул расстояние и обомлел.

«Как они сюда попали на своей букашке? – подумал Залип. – Это нереально».

Он принялся к пути-дороге, по которому люди сюда летели и учуял, что реактивный газовый след от их букашки обрывается в двух парсеках.

«Ладно, это я ещё выясню», – подумал Залип, сворачивая пространство в тугую узелок и прыгая вперёд через него.

Через мгновение Залип с людьми на спине выпрыгнул возле Солнца, на орбите Юпитера. Ближе было нельзя. Солнце распухло и поглотило Марс.

– Ну и где ваша Земля? – спросило Тело.

Люди ошарашенно озирали знакомые созвездия.

– Не знаем.

– И что мне с вами теперь делать?

В этот момент по нуль-связи тихо раздался ехидный дружный смех. Кто-то из невидимого родного роя не удержался и засмеялся во весь голос.

– С днём рождения, Залип, – хохотали эти черти полосатые. – Теперь ты Отлип.

Люди этого не слышали. Они же не умеют по нуль-связи.

А Залип новости-то не смотрел. А так бы знал, что давно уже эту диковинную цивилизацию переселили к другой звезде, помоложе, и не налюбуются на этих людишек, какие же противоречивые тела они себе отрастили эволюционно – чистый капкан для разума. Вот уж кто меняться никогда не станет по доброй воле. Им бы терраформировать только.